

латиницей “милостывы” (Milostyvy); в кириллическом варианте “Паны братия”, а в аналоге “Панове Братя” (Panowie Bratia); огледал - огладал (ohladal); королю/королем - королу/королом (Korolu/korolom); князевь - князеу (Kniaziew); сердцемь - сердцем (sercom); какь - як (iak); гето - тое (toie); короліомь - королом (korolom); іего - его (ieho); наша - наша (naszaia); однако - однак (odnak); деруть - дзерут (dzierut); приступило - прыступило (prystupilo); другый - други (druhi); нашему - нашому (naszomu); пиялі - пивали (piwali); около - коло (kolo); загледаєт - заглядаєт (zahladaiet); припоминаю - прыпоминаю (prypominaiu); не схопыл - не схапил (neschapil); сказали - казали (kazali); поцеровали - поцаловали (pocalowali); младшыє - молодшыє (molodshye); тот - той (toy); влады - рады (rady);

Эти факты могут свидетельствовать о том, что текст, написанный латиницей, появился гораздо раньше кириллического. Текст кириллический, возможно, был отредактирован и скорее всего адаптирован (в отличие от его первоисточника). Текст, написанный латиницей, имеет особенности, которые связаны с графикой, поскольку латиница не может передать все особенности старобелорусского языка.

Еще одним интересным фактом может послужить употребление имен. Так, например, в русском издании встречаем “Зыгмунта короля” и “Аннульку”, а вот в аналоге, написанном латиницей, – “Zyhmunta Auhusta korola” и “Urszula”.

Заключение. Как видно, наблюдения показывают, что кириллический вариант текста был списан с варианта латинского, а позже отредактирован. В пользу этого может говорить и дата выхода публикаций: работа М. Вишневого выпущена в 1851, в то время как русские “Акты, относящиеся к Южной и Западной России” изданы только в 1865 году. Поэтому нельзя отрицать то, что работа М. Вишневого могла послужить первоисточником для русского издания. На основе проведенной работы, мы можем сказать, что текст, написанный латиницей, может иметь немного большую историю, нежели текст кириллический.

СПЕЦИФИКА ЛЕКСИКИ ТРЕВОГИ И СТРАХА В РАССКАЗЕ «УЖАС» В.В. НАБОВОКОВА

Курзова А.В.,

студентка 1 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Малышева К.И., преподаватель

На сегодняшний день, в эпоху доминирования информационных технологий, всё больше и больше людей страдают чувством пустоты и бессмысленности. Ещё в 1990 г. В. Франкл определил это, как «экзистенциальный вакуум». Несмотря на важность эмоций тревоги и страха, их определению посвящено довольно мало литературы. Но еще меньше уделяют внимание произведениям и рассказам, посвященным данным явлениям. Именно в рассказе «Ужас» В. В. Набоков пытается максимально детально и точно передать всю сущность переживания наивысшего страха. Цель данной статьи: определить специфику функционирования лексики страха и тревоги в рассказе «Ужас».

Материал и методы. Материалом нашего исследования послужил рассказ В. В. Набокова «Ужас». Методы исследования: структурный метод, метод дистрибуции, метод оппозиции.

Результаты и их обсуждение. В рассказе "Ужас" (1926) Набоков воспроизводит пик человеческого отчуждения не только от жизни, от других, но и от собственного "Я" [8, с. 12]. В кризисной психологии П. Тиллих тревогу определяет как состояние, в котором бытие осознает возможность своего небытия [7, с. 51].

Набоков передал всю атмосферу «Высшего ужаса». «*Озябший*» и «*опустошенный*» – Озябший – испытывающий чувство холода. Это понятие говорит об изменении температуры тела, которое является следствием тревоги. «*Опустошенный*» – лишенный нравственных сил, не способный к творческой, активной жизни [1]. Данная лексема входит в группу «внутреннее эмоциональное состояние» и означает человека, лишенного предельной заботы.

Далее В. В. Набоков использовал словосочетание «*холодок этой таинственной анестезии*». Слово «анестезия» означает потерю или ослабление чувствительности к боли [1]. Таинственность, в свою очередь, означает что-то непонятное и неизвестное [1]. «Холодок» является физическим проявлением тревоги.

Свои глаза в отражении герой характеризует как «*чужие*» и «*немигающие*». Он не признает свои глаза и считает их не своими. Немигающие же означают неподвижные. Как сказано в монографии американского ученого Изарда, «при ужасе индивид может «остолбенеть» и стать совершенно неподвижным» [3, с. 322].

В. В. Набоков подобрал очень точную фразу для описания явления осмысления смерти: «*Внезапное паническое предвкушение смерти*», которое означает ощущение смерти заранее, сопровождающееся приступом тревоги. Тревога смерти – абсолютная константа жизни, существенная постоянная угроза человеческому самоутверждению [7, с. 52].

«*Другой человек*» – это словосочетание В. В. Набоков использовал для описания дереализации – состояния, при котором окружающий мир, окружающая обстановка воспринимаются большими неотчетливо, неясно. [5, с. 69]. «...*все в мире было ей по-житейски ясно...*» – тут главный герой говорит о своей возлюбленной, которую В. В. Набоков поставил как противоположный образ тревожного человека. В данном случае один герой боится смерти, другой же и не задумывается о ней. Затем В. В. Набоков опять противопоставляет: «*то, что было во сне весело ... теперь, наяву, страшно*» [6, 400]. Героя тревожит веселый сон, который он называет «*кружевным хохочущим сном*». Данный сон можно сопоставить с осознанием своего небытия, то есть опустошение духовной жизни, разрушение верований вызывает угрозу небытия, тревогу пустоты [7, с. 58].

Состояние продолжительной тревоги героя из-за бессонницы В. В. Набоков характеризует как «необыкновенно восприимчивую пустоту». Отсутствие сна можно также отнести к явлениям соматопсихической деперсонализации [5, с. 70].

Далее главный герой сообщает нам: «*Моя связь с миром порвалась, я был сам по себе, и мир был сам по себе, – и в этом мире смысла не было*» [6, с. 401] – данное состояние можно охарактеризовать как форму небытия. Пустота и утрата смысла – суть выражения тревоги небытия, угрожающего духовной жизни человека [7, с. 59]. «...*я глядел на дома, и они утратили для меня свой привычный смысл...*» – данная формулировка говорит о дереализации, а «неправильном» восприятии Мира и жизни. Будто все объекты в Мире являются нереальными и декоративными [5, с. 69].

Далее герой нам признается о расщеплении самого себя: «...*так что перед нею стояли двое, – я сам, которого она не видела, и двойник мой, который был невидим мне*». Деперсонализационные расстройства могут выражаться феноменом расщепления «Я», при котором больные ощущают раздвоение личности, утверждают, что в них появилось как бы два человека. [5, с. 69].

Закключение. Таким образом, опираясь на труды ученых и исследователей, нами были выявлены все особенности лексики тревоги и страха в произведении «Ужас» В. В. Набокова. Для описания состояния страдающего человека он использовал такие лексемы, как *пустой, бесчувственный, страшный, холодный, бессмысленный*, которые связаны с отрицательными явлениями и во втором своем значении обозначают тревогу и ужас. Также В. В. Набоков ставил в оппозицию смерти и ужаса беззаботную жизнь и

использовал такие лексемы, как *кружевной* и *хохочущий*. С помощью специальной лексики Владимир Набоков смог передать экзистенциальный ужас, который довелось пережить главному герою.

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: [http:// gramota.ru/slovari/info/bts](http://gramota.ru/slovari/info/bts) (дата обращения: 01.03.2020).
2. Гуревич, П. С. Психология: учеб. пособие / П. С. Гуревич. – М.: Знание, 1999. – 304 с.
3. Изард, К. Эмоции человека: пер. с англ. / К. Изард. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1980. – 440 с.
4. Корнакова, В. И. Семантико-денотативная организация русской, белорусской, английской и немецкой лексики, относящейся к семантическому полю «беспокойство, тревога»: науч. ст. / В. И. Корнакова. – Минск: Журн. БГУ, 2022. – С. 126–130.
5. Королева, Е. Г. Деперсонализация-дереализация в рамках невротического расстройства. Случай из практики: науч. ст. / Е. Г. Королева, О. И. Василенко – Гродно: Журн. ГГМУ, 2011. – С. 69–70.
6. Набоков, В. В. Собрание сочинений: в 4 т. / В. В. Набоков. – 2 том. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – Т. 1: Собрание сочинений. – 415 с.
7. Пергаменщик, Л. А. Кризисная психология: учеб. пособие / Л. А. Пергаменщик. – Мн.: Выш. Шк., 2004. – 239 с.
8. Таркова, И. В. Тема творчества, эстетическая позиция В. Набокова и ее художественная реализация в произведениях русскоязычного цикла: автореф. дис. / И. В. Таркова – Владивосток: Дальневосточный гос. ун-т, 1999. – 26 с.

КАТЕГОРИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ И СПОСОБЫ ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Лесков А.А.,

студент 1 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Алимпиева Е.В., ст. преподаватель

Многие исследователи ставят в один ряд с информативной функцией языка экспрессивность, эмотивность и эвокативность. Мера содержательности экспрессивности проявляется в категории интенсивности. Соотношение этих понятий, их интерпретация вызывают интерес и до сих пор являются поводом для научных дискуссий, что определяет актуальность настоящей работы.

Целью исследования является установление сущности и выявление разноуровневых средств языковой репрезентации категории интенсивности в английском языке.

Материал и методы. В ходе исследования нами используются общенаучные методы сравнения, анализа и синтеза научных трудов, посвященных уточнению смыслового содержания и способов языковой репрезентации категории интенсивности средствами английского языка. Приведенные примеры отобраны из оригинальных художественных произведений Ч. Диккенса.

Результаты и их обсуждение. Существуют различные толкования экспрессивности, однако, по мнению И.И. Туранского, «вызывает возражение устоявшийся подход, при котором „экспрессивность“ и „интенсивность“ трактуются как взаимозаменяемые, синонимичные понятия, подход, при котором „интенсивность“ объявляется компонентом „экспрессивности“» [6, с. 7].

Согласно словарным дефинициям, «интенсивность есть наличие той или иной напряженности» [2, с. 245].

В.Н. Телия сделала вывод о том, что «интенсивность есть мера экспрессивности, ее степень, мера эмотивности, степень выраженности» [4].

И.И. Туранский определил интенсивность как «семантическую категорию, в основе которой лежит понятие градации количества в широком смысле этого слова» [6, с. 7].

С точки зрения Е.Н. Сергеевой, сущность категории интенсивности «заключается в усилительности или выражении дополнительной количественной характеристики, что находит отражение в лексике, фразеологии, морфологии и синтаксисе» [3, с. 3].

Для выражения семантики интенсивности используются различные языковые средства. Статус английского языка как международного вызывает потребность в их выявлении, описании и классификации.